

ТРУДЫ ПРАВЕДНЫЕ (притча)

Двухэтажный деревянный дом на окраине города был старым, но еще достаточно крепким. Какой-то богатый промышленник выстроил его еще задолго до революции на совесть, с соблюдением всех ныне забытых секретов деревянного зодчества. Кондовые толстенные еловые бревна, мощные дубовые двери с медными чеканными ручками, широкие лестницы с перилами и диковинными балясинами, высоченные потолки с лепниной, ажурное кружево наличников и карнизов, огромные русские печи из крупного массивного кирпича, давно не выпускаемого, облицованные настоящими изразцами... На доброго бы хозяина – чуть приподнять дом железнодорожным домкратом с одного края, там, где слегка осел фундамент – а задубевшая древесина это позволяла, подзалатать крышу, пообновить фасад, и стоять бы дому еще лет сто если не двести. Но на заре «реформ» власти решили там что-то строить, и дом задумали сносить. Жильцам выдали компенсацию на приобретение нового жилья и предложили съезжать.

Одним из жильцов дома был мастер-кровельщик Пантелеев, лет пятидесяти, бобыль. За свою жизнь покрыл крыши на сотнях домов, занимался и другими работами – кирпичной кладкой, срубам. Руки у него были золотые, умел все. За умение приглашали его купола на церквях реставрировать – а это искусство особое. Сколько себя помнил, всегда в трудах был, а вот благоустроенного жилья так и не заработал, жил в небольшой комнате особняка, воздвигнутого промышленником. «Трудами праведными не построишь палаты каменные», – смеялись мужики. А тут с получением компенсации вроде бы как неожиданно такая возможность появилась. Правда, денег на благоустроенную квартиру не хватало, но по сравнению со всей суммой требовалось не так уж много. Увидел он как-то рекламу по центральному телевидению: некая московская финансовая фирма предлагала купить акции, обещая сто процентов годовых. Кажется, впервые в жизни забрезжил перед ними шанс пожить, как белые люди, с теплым туалетом и за водой на колонку не ходить. Решил так: скарб предварительно продаст, а снесут дом, помыкается по знакомым да по командировкам, не в первой, не семейный, чай, перебьется год – а там и на новое жилье хватит, и на мебелишку какую-нибудь нехитрую. Сказано – сделано. Снес он деньги в «офис», получил взамен пачку тоненьких листочков с печатями и стал ждать. Когда показывали по телевизору рекламу той фирмы, не переключал канал, смотрел, лелея надежду, что капитал его преумножается с каждым днем.

Встречал кое-кого из прежних соседей. Повезло немногим, хоромами почти никто не обзавелся. Люди въезжали большей частью в деревянные развалюхи.

К тому моменту времена успели резко измениться, сносить особняк вроде как передумали. Госорганизации разошлись по частным карманам – тем, что располагались поближе к «пирогам». О старых планах напрочь позабыли, теперь каждый жил своим умом. Впрочем, Пантелееву это было на руку: не стало необходимости в ближайшем будущем искать приюта у знакомых. С заказами вот, правда, стало труднее – их становилось все меньше и меньше, а если и находились, то оплату предлагали очень низкую. Раньше, бывало, дом у частного с напарником на двоих за неделю покроешь железом – месяца два можно безбедно жить. Сейчас же заработанные деньги расходились на еду в миг, за считанные дни.

Посидев несколько недель не у дел, Пантелеев нанялся в бригаду к новому русскому. Тот приобрел большой участок земли в двух кварталах отсюда на самом берегу реки. Место было тихое, вдали от шумных автострад. Сначала строили высокий глухой забор из рифленого железа с двойной колючкой наверху, словно на секретном объекте. Потом принялись за фундамент и за подвал. В последнем сразу выкопали котлован под бассейн. Осматривать площадку «новый» приезжал раза по два на дню на джипе, нос которого походил на волчью пасть, вместо клыков хищно ощерившуюся никелированными дугами безопасности. Когда уложили плиты на пол первого этажа, хозяин аж чечетку на них отбил на радостях.

Бассейн отгородили капитальной стеной и принялись за примыкающий к нему большой, машин на пять, гараж, плавно переходящий в мастерскую; под ее потолком сразу установили рельсы для кран-балки.

Деньги Дукатов – так звали хозяина – сначала платил, но не долго. Сказал – трудности, рассчитается позже. Все время так продолжаться не могло, потому как у Пантелеева эта стройка была единственным источником дохода.

-Ты хоть жрать давал хотя бы, хозяин, - попросили мужики. «Новый» пожался с неделю, потом самолично стал привозить на стройку пару армейских термосов с нехитрой водянистой похлебкой и кашей, да парую-другую буханок ржаного хлеба. Вот за эту еду мужики и работали. Чай сами в старом ведре на костре кипятили.

Год прошел незаметно. Нужно было приступать к задуманному. Извлек из комода Пантелеев пронафталиненный старомодный костюм и направился в «офис». Каково же было его удивление, когда от конторы, которой он доверил все свои деньги, не осталось даже вывески. Случившееся походило на беспокоящий тревожный сон. Казалось, очнешься от него – и все станет на свои места. Однако этот жуткий сон не кончался. Выяснилось, что таких, как он, хоть пруд пруди. Соратники по несчастью писали в московскую головную организацию жалобные письма, но оказалось, что и той след простыл. Тут кто-то сказал: Дукатов точно имеет некоторое отношение к жульнической фирме, каких в последнее время, как выяснилось, расплодилось немало. Занимал какую-то должность, чуть ли не начальником был, зарплату сумасшедшую

получал, хоть его никто никогда и не видел на рабочем месте (там трудились две девчухи, бойко принимавшие чужие деньги).

Сначала Дукатов отнекивался, потом сознался: да, был директором филиала, но он лицо наемное, о делах своих руководителей знать ничего не знает ни сном ни духом, и где они растворились – для него самого загадка. Жалобы и судебные заседания ничего не дали – лишь подтверждали версию «нового русского». А что касается денег на строительство виллы, так объяснение Дукатова приняли к сведению – их старая бабушка, мол, дала. Пятьдесят лет ждала рождения любимого внука и берегла для него в кубышке от вонючих комуняк.

Над подвалом с бассейном, сауной, спортзалом и гаражом поднялись три этажа, оформленные под замок, с башенками, сужающимися кверху, окнами, имитирующими бойницы, с зубчаткой стен, крышей с множеством диковинных шпилей и дымоходов, да с флюгерами в виде муз и богинь. В каминный зал уже затаскивали мебель – дутые диваны, обтянутые белой натуральной кожей, ореховые столики под восемнадцатый век, статуи в человеческий рост. Пантелеев одного такого Аполлона постукал, думал, из пластмассы. Оказалось, нет, из самого настоящего что ни на есть мрамора. Чего-то подобного кровельщик в местных магазинах никогда не видел, видно, привезли откуда-то издалека. У въезда на территорию виллы построили что-то вроде контрольно-пропускного пункта, возвышающегося над забором. Там дежурил омоновец с короткоствольным автоматом, а стальная калитка была оборудована кодовым замком с дистанционным управлением и телепереговорным устройством.

При расчете Дукатов денег выдал совсем мало, всего лишь за месяц. На все вопросы отвечал коротко и расплывчато:

-Потом, потом...

Старый особняк, где обитал Пантелеев, лишившись хозяев, стал быстро ветшать, с потолка текло. Содрал Пантелеев с сарая более-менее сносные листы железа, закрыл на крыше течь. Дни тянулись длинные и скучные, халтур не попадалось. Сходил он раз к Дукатову за деньгами, другой – безрезультатно. На третий раз из будки-КПП вышли два «качка», стукнули его несколько раз об забор, сказали: еще явится, совсем убьют.

Обидно ему стало, очень обидно. Прожил он на свете пятьдесят лет, а в нынешней жизни словно младенцем оказался. Ни с чем подобным раньше никогда не сталкивался. Нынешние желторотые и наглые бритыши выглядели в сто раз увереннее и деловитее его. Сговорился он еще с двумя мужиками, которых также обдули, писать заявление в суд: ведь должна быть какая-то правда!..

-Вот напишем заявление в суд, - словно заклинание, повторяли мужики последнее слово, и разберутся с ним, выведут на чистую воду. Все выплатит, все-о, до копейки!..

Заявление лежало в суде, шел месяц, другой, третий. Заседания откладывали по разным причинам – то Дукаатов болел, то судья. А жить надо было – и продал Пантелеев дачникам по дешевке огромный пустующий сарай на несколько семей, что стоял во дворе дома. Его разобрали в миг и увезли. Вроде бы и не Пантелеева собственность, но в то же время теперь как будто и ничья. Впрочем, все-таки из всех прежних жильцов Пантелеев, наверное, имел на собственность эту прав больше всех. Семейная легенда гласила, что особняк был построен одним из пантелеевских прадедов, зажиточным местным фабрикантом. Прадед был из простых, и поначалу состояние свое сколачивал на собственном горбу, да так, что и детям дорогу дал к укреплению капитала. Потом, конечно, у прадеда все отобрали и самого то ли расстреляли, то ли он умер от тоски по напрасным трудам. Но сейчас получалось, что этот неизвестный предок словно бы протягивал Пантелееву руку помощи из своего далекого прошлого.

В конце концов, суд состоялся. Вместо Дукаатова присутствовал его представитель в строгом костюме, блистающий стеклышками очков без оправы. Гладко и деликатно представитель объяснил, что все, что полагается, мужики получили, и даже сверх того, потому как ели до отвала, а уж когда пьянствовать стали беспробудно, пришлось с ними расстаться. У Пантелеева глаза на лоб полезли от такой наглой лжи. Но не успел он и глазом моргнуть, как объявились свидетели, которых он раньше никогда не видел и которые подтверждали: да, так оно все и было.

-Пантелеев, у вас есть трудовой договор? – спросила прокурор-женщина. – Ответчик утверждает, что с вами была произведена полная оплата, в том числе и, так сказать, натурой – продуктами питания, водкой...

-Никакой водки не было, то есть, договора... - Пантелеев чувствовал, как язык его костенеет и отягощается пудовыми веригами. Он хотел сказать одно – а получалось другое. Он вспомнил, что договора они действительно никакого не заключали. Но на бессвязные оправдания Пантелеева следовал гладкий и рассудительный речевой поток человека со стеклышками на глазах.

-Ну что же, действительно, если мы будем идти на поводу у каждого алкоголика и у каждого пьяницы, - сказала женщина-прокурор, понимающе кивая человеку со стеклышками, - когда же нам заниматься работой...

Это вроде бы как было сказано и не конкретно по отношению к Пантелееву, якобы абстрактно, и все же все поняли, что под этими словами прокурор имеет в виду именно его, Пантелеева. Пантелеев хотел крикнуть: «Да у меня уж больше года во рту не бывало, да и на что!..» Но он почувствовал, что язык его немеет, а оправдываться совершенно глупо, потому что незнакомые люди тыкали на него и вежливо говорили о нем такие гадости, какие раньше никогда и слышать не приходилось. А самое главное – прокурор полностью была на их стороне. Это кровельщика поразило больше всего. Его в холодный пот бросило от такого открытия. «Да тут все одна шайка, - подумал он с ужасом, - что Дукаатов, что суд...»

В растерянности он вышел из здания с развевающимся российским триколором. Улыбающийся человек со стеклышками интеллигентно взял его за плечо:

-Что, Пантелеев, выкусил?.. Запомни, мы здесь – надолго. По крайней мере, тебе нас не пережить...

Купил Пантелеев бутылку водки и впервые за год крепко набрался с горя. «Теперь хоть не обидно будет, - думал он, - что я пьяница...» А потом у него кончились деньги, и он побирался в столовой, выпрашивая мелкую картошку, которую выбрасывают свиньям.

Чтобы как-то прожить, Пантелеев стал продавать разную мелочь, забытую на чердаке, невесть какими путями там оказавшуюся за сотню с лишним лет – пожарные брандспойты, мотки проволоки, потемневшие от времени самовары, лейки, бочки, тележки, патефон, даже шкатулку со старинными монетами, обнаруженную им под опилками утеплителя. Когда эти запасы иссякли, разрешил за определенную мзду дачникам разобрать ради кирпича печь – одну, другую, третью. Потом полы, перегородки, дальше в ход пошли рамы, косяки. Дрова на зиму Пантелеев заготавливал тут же, распиливая одну капитальную стену за другой. Когда случалась небольшая халтурка, свое занятие приостанавливал. Ему даже становилось стыдно. Но вновь оказавшись в тупике, он продолжал проедать, пропивать и прожигать дом, воздвигнутый работающим предком. Впрочем, так жили очень и очень многие – они просто-напросто пользовались тем, что было создано в иную эпоху умершими ныне людьми, а сами при этом не производили ничего. Это успокаивало Пантелеева. Отныне то был его «бизнес».

Иногда перед глазами кровельщика с поразительным упорством мысленно возникали сцены из недавнего прошлого. Дукатов ограбил его дважды, и суд именем государства Российского дважды подтвердил, что Дукатов прав. И теперь кровельщик был бессилён что-либо изменить. Он ощущал себя не более чем ничтожным муравьём, бестолково ползущим по земле. Пантелеев больше не хотел думать о том, что с ним произошло, но однообразные мысли лезли и лезли в голову. И тогда он напивался в очередной раз.

Дом несмотря на внушительные размеры все-таки потихоньку таял. На исходе второй зимы своего истребления он представлял собою полуфантастическое и жалкое зрелище: все стены его были выпилены, и он чудом держался лишь на четырех углах. С него было снято все, что только возможно, за исключением одной голой лестницы без перил, ведущей в угловую, единственную сохранившуюся комнату на втором этаже. Там же располагалась последняя сохранившаяся столбьянка, опиравшаяся на приведенную в негодность печь первого этажа. Каморка Пантелеева походила на рубку корабля, потерпевшего окончательное крушение.

Однажды внимание ближайших по улице соседей привлекло внимание то, что из печной трубы пантелеевской комнатухи вот уже неделю не идет дым.

Дверь в жилище оказалась не запертой. Тело Пантелеева висело под самым потолком.

Его увезли и похоронили за счет государства, как безродного, в целлофановом мешке, поставив на могилу столбик с жестяным номерком. Известие о том, что кровельщик мертв, сразу разнеслось по округе, и жители ближайших трущоб с удивительной быстротой растащили останки пантелеевского строения на дрова. О том, что здесь когда-то стоял большой красивый особняк и жил человек, напоминала лишь большая куча мусора. На обломках фундамента сидели два бомжистого вида мужика. Они пили из стакана горькую, закусывая ржаным хлебом, и о чем-то мирно беседовали. Верно, поминали Пантелеева.

На этом можно было бы и завершить сию безрадостную историю, но хотелось бы добавить вот еще что. Человек со стеклышками на глазах был, конечно, прав, заявив, что Пантелеев их не переживет. Но он оказался прав не до конца, как это часто случается со слишком самоуверенными людьми, ибо забыл, что в своем отечестве пророка нет. Труп Дукатова несколькими месяцами спустя обнаружили в ста метрах от собственной виллы на берегу реки. Нет, он не утонул. Кто-то, словно псу, прострелил ему голову, и Дукатова не спасла ни многочисленная охрана, ни правосудие, ни власть.

Есть равновесие в природе вещей, и она не терпит крайностей. Да, нищие в России не живут слишком долго. Но и стяжавшие богатство на костях их все реже умирают естественной смертью.